

Наталья Мовнина

Andrey Makarychev and Alexandra Yatsyk. Lotman's Cultural Semiotics and the Political. London: Rowman & Littlefield International, 2017. 228 pp. ISBN 978-1-78348-832-2.

Наталья Мовнина – доцент Санкт-Петербургского государственного университета, филологический факультет. Адрес для переписки: Университетская набережная, 11, Санкт-Петербург, 199034, Россия. n.movnina@spbu.ru.

Вышедшая в 2017 году книга Андрея Макарычева и Александры Яцык «Lotman's Cultural Semiotics and the Political» заявлена авторами как попытка предложить новый теоретический инструментарий для политического анализа постсоветского мира. Потребность в нем мотивирована неспособностью дискурсов, выдвигающих на первый план институциональные или экономические аспекты, уловить и адекватно интерпретировать те элементы политического процесса, которые находятся за пределами видимой сферы политики. Но именно такие подспудные «течения» могут оказаться ключевыми для понимания трансформаций политической реальности, в которой прежние установки на глобализацию и интеграцию сменяются тенденциями к изоляционизму и возобновлению «холодной войны» и где происходят трудно представимые в недавнем прошлом события, подобные войне в Украине. В книге анализируются нарративы и практики, которые, по мнению авторов, являются в определенном смысле не менее политическими, чем политика, понимаемая как сфера управления или принятия решений: в них проявляется и символически оформляется самопредставление наций, сообществ и групп в их взаимоотношениях с разнообразными «другими» – внешними и внутренними. В качестве средства, помогающего разобраться в сплетениях элементов, образующих коллективные идентичности, и в их политических импликациях, в книге представлена семиотика культуры, разработанная главой тартуско-московской школы Юрием Лотманом.

Обращение к наследию Лотмана как источнику нового концептуального языка для изучения политического, на первый взгляд, может показаться неожиданным. Характерной чертой школы, как известно, было подчеркнутое дистанцирование от политики, связанное не только с внешними ограничениями советской системы, но и с отстаиванием автономии «чистой науки». Ретроспективно эта установка была критически отрефлексирована уже самими участниками школы, указавшими на связь ее научных принципов с тем историческим контекстом, в котором она существовала¹. Позднее Максимом Вальдштайном (Waldstein 2008)

---

¹ См., например, характеристику школы как «герметической семиотической утопии» в ситуации 1950-х годов, когда появилась «возможность внутренней эмансипации, при сохраняющейся несвободе внешних условий существования» у Бориса Гаспарова (1994:293); см. также замечания Александра Пятигорского (1994) об онтологизации метода в семиотике 1960-х годов и превращении культуры в универсальный семиотический объект, что связано с культурно-историческим контекстом школы.

было показано, в какой мере интеллектуальная деятельность школы определялась практиками выстраивания альтернативной по отношению к советскому государству области «параллельной науки». Учитывая позиционирование школы в советском контексте, авторы книги стремятся установить двойную перспективу, в которой семиотическая теория предстает одновременно и объектом, и инструментом анализа.

Как показано в книге, при видимой «аполитичности» проблематика власти отнюдь не игнорировалась в семиотике культуры Лотмана. Так, несмотря на отказ от эксплицитно политического языка, у Лотмана присутствует обращение к политическим по сути вопросам, в частности, когда речь идет о семиотике верховной власти в русской культуре, воплощенной в фигурах правителей – Ивана Грозного и Петра Первого – и определяемой Лотманом как «эксцесс, возведенный в норму, антисистемная системность» (Лотман и Успенский 1996:438), что позволяет соотносить эти идеи с концепцией суверенной власти у Карла Шмитта и теорией гегемонии Эрнесто Лакло. Соответственно, задачей становится выявление скрытого политического потенциала тех понятий, которыми оперировал Лотман и развивали его последователи. При этом книга не является строгим историографическим описанием наследия школы (она фокусируется преимущественно на фигуре Лотмана, хотя эпизодически и, как кажется, несколько произвольно, апеллирует к другим участникам и не имеет задачи представить лотмановскую теорию в становлении и развитии), ее основной интерес состоит в том, чтобы «додумать» и развернуть лотмановские идеи в поле современной теоретической мысли. Отсюда в книге постоянные сопоставления этих идей с концепциями влиятельных западных авторов от Лакана и Жижека до Агамбена и Рансьера и «перевод» на их «язык» лотмановских категорий, как бы выводящие лотмановскую семиотику культуры в пространство актуальных социальных и политических проблем (от травмы до биополитики). Авторы имеют при этом возможность опереться на относительно недавние работы Даниэле Монтичелли (Monticelli 2008), Андреаса Венцеля (Ventsel 2009), Пеэтера Сельга (Selg 2011), в которых уже ставился вопрос о применении семиотики культуры в области политических исследований. В то же время в книге акцентирована ценность локального происхождения школы для изучения постсоветских обществ – и не только как теории, возникшей «изнутри» этого мира, но и как опыта существования «на границах», который отчетливо корреспондирует с ее собственными подходами к изучению семиотики культуры.

Концептуальное переосмысление лотмановского наследия разворачивается на протяжении всей книги, но постановка и обсуждение основных теоретических вопросов сконцентрированы во введении («Introduction. Lotman and the Post-Soviet: An Unfinished Novel») и наиболее объемной первой главе («Boundaries and the Political: A Cultural-Semiotic Contribution to the Debate»). Ключевой категорией, оператором превращения «культуры» в «политику», здесь оказывается «граница/ы». В качестве понятия лотмановской семиотики она создает замкнутый в себе мир коммуникативных практик, присущий определенной культуре, – так называемую семиосферу. Но семиотический анализ также обнаруживает, что эти коммуникативные миры неоднородны и нестабильны, ориентированы на раз-

личные образцы и нормы, а тенденция к унификации и подчинению доминирующим структурам неделима в них от смещений, трансгрессий и эксцессов. Это позволяет авторам связать конституирующую семиосферу категорию «границы» с понятием «политического», которое понимается как оспаривание извне и изнутри границ коллективных идентичностей, зависящих, если использовать лотмановскую терминологию, от «культурных кодов» и формирующихся в коммуникативных взаимодействиях с «другими». Таким образом, в книге «культура» и «политическое» действительно оказываются трудно отделимы друг от друга, последнее выглядит едва ли не всепроникающим.

В целом можно говорить и том, что в книге, в отличие от прочтений, обнаруживающих в семиотике культуры тяготение к логике тотальности (см. Калинин 2009), – но и с учетом «тоталитарного потенциала понятий, с которыми работает Лотман» (с. xx), – она получает интерпретацию, сближающую ее с конструктивистской и постструктуралистской мыслью. В подобном ключе трактуются возводимые к Лотману понятия, с опорой на которые анализируется политическое измерение идентичностей. Первое из них – *интерсубъективность*, то есть взаимный характер конституирования субъектов в процессе коммуникации (даже если она имеет вид конфликта), внимание к которому позволяет, например, деконструировать традиционную трактовку политических отношений между «неравными» участниками, выявляя парадоксальную зависимость «сильнейшего» от того, кто, на первый взгляд, является лишь объектом его влияния. Менее однозначным представлено еще одно ключевое понятие – *автокоммуникация*, которая определяется Лотманом как способность высокоразвитой «семиосферы» к независимому от внешних воздействий самоструктурированию и самоописанию (что хорошо проецируется и на саму тартуско-московскую школу), но которая в политическом отношении может проявлять себя как тенденция к подавлению различий и навязыванию «идеального» образа семиосферы, приводя к утрате языка политических дебатов. Наконец, третье понятие – *сшивание* (*suture*), – восходящее к работам Лакана и Жижека, корреспондирует с лотмановским определением «текста в тексте». В модели Лотмана речь идет о заимствовании и усвоении семиосферой внешних для нее текстов, порождающих в новом контексте новые значения и даже попадающих на вершину ценностной иерархии (как Европа в восприятии западников, превращенная ими в «норму» самой русской культуры). При этом авторы книги в ситуации «вписывания внешнего во внутреннее» акцентируют невозможность избавления от «другого» как посредством полной ассимиляции, так и радикального исключения и, вслед за Лаканом, отмечают неизгладимые «швы», которые оставляет это «вписывание», несмотря на стремление стереть его «следы» и «натурализовать» его итог в качестве монолитного целого.

Эти теоретические идеи получают развитие в трех последующих главах книги, где они также становятся основой для характеристик постсоветских идентичностей. Показателен рассмотренный в конце второй главы («Beyond the Semiosphere: Signifying Corporeality and Displacements») случай Эстонии, которая, вследствие своего положения между различными полюсами влияния (Россия и ЕС) и присутствия русскоязычного населения (внутреннего «чужого»), столкнулась с задачей

заново конституировать границы национальной идентичности в постсоветский период. Анализ эстонских культурных практик подтверждает невозможность выстраивания полностью непроницаемых границ, замыкающих идентичность и консолидирующих ее, несмотря на заметное усиление «автокоммуникативных» тенденций. Певческие праздники, которые проводятся как среди эстонского, так и русскоязычного населения, демонстрируют нереализуемость на практике взаимной установки двух этих «семиосфер» на полное вытеснение культурно «чужого» на периферию, поскольку в том и другом случаях обнаруживаются их взаимозависимость и взаимовлияние, двойственность самоидентификаций и т. д. А в эстонских художественных проектах, ставших реакцией на перенос памятника Неизвестному солдату из центра Таллина, проблематизируется (не)репрезентируемость советского прошлого в эстонских господствующих дискурсах и одновременно неустранимость «следов», которые оставляет стирание памяти о нем.

Отношения с советским прошлым, конститутивные для идентичностей всех постсоветских стран, рассматриваются и в третьей главе («Excavating the Soviet: From Explosion to Erasure») на материале постсоветской России, и на этот раз речь идет о целом ряде практик, при помощи которых вытесняется память о распаде Советского Союза, а заново устанавливаемые связи с исчезнувшим советским миром используются господствующим дискурсами для усиления общественного консенсуса. Распространенная в обществе ностальгия по советскому, которая, на первый взгляд, находит применение лишь в деполитизированных областях культурного производства и повседневности, в действительности может превращаться в ресурс для легитимизации российской власти и патриотической мобилизации. В этой перспективе, например, становится понятна связь между церемонией открытия сочинской Олимпиады, сценарий которой может быть прочитан как «сшивание» российского настоящего с имперским и советским прошлым, и политикой России в Украине.

Наконец, в четвертой главе «Playing Games with Europe: Between Accomodation and Subversion» отношения России и Европы, которым Лотман уделял большое внимание в своих культурно-семиотических исследованиях, представлены в развитии его концепции как спектр языковых игр, используемых в коммуникации с Западом. Противоречивое стремление России получить признание западных стран, говорить с ними «на одном языке» и в то же время сохранять претензии на великодержавность и цивилизационную автономию хорошо демонстрирует практикуемая здесь «дискурсивная мимикрия», проявляющаяся в заимствовании концептов западного политического языка (демократия, права человека, свобода личности, безопасность) и наделении их совершенно другими значениями.

В последнее время в фокусе критического анализа семиотики культуры оказывается не только ее зависимость от советской политической системы, внутри которой она была рождена, но и определенная связь этого проекта с консервативными умонастроениями постсоветской интеллигенции (см., например, Вальдштейн 2013). В заключении «How to Read Lotman in the Twenty-First Century?» авторы книги признают потенциальную возможность использования идей Лотмана для поддержки имперского мышления и консервативной политики современ-

ной России (в немалой степени за счет той же «онтологизации» семиотических категорий). Однако их собственная книга дает пример перечитывания Лотмана совсем в ином ключе: рефлексия над теоретическим языком тартуско-московской школы, отдавая отчет в его «соблазнах», актуализирует идеи и понятия, которые могут получить новое применение в междисциплинарных исследованиях, связывает их с современным научным контекстом и тем самым способствует обновленной жизни интеллектуального наследия Лотмана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вальдштейн, Максим. 2013. «О “либеральном мейнстриме” и культурном консерватизме». *Ab Imperio* 1:141–158.
- Гаспаров, Борис. 1994. «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен». С. 279–294 в Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис.
- Калинин, Илья. 2009. «Тартуско-московская семиотическая школа: семиотическая модель культуры/культурная модель семиотики». *Новое литературное обозрение* 98:27–56.
- Лотман, Юрий и Борис Успенский. 1996. «К семиотической типологии русской культуры XVIII века». С. 425–448 в *Из истории русской культуры*. Т. 4, XVIII – начало XIX в. М.: Школа «Языки русской культуры».
- Пятигорский, Александр. 1994. «Заметки из 90-х о семиотике 60-х годов». С. 324–329 в Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис.
- Monticelli, Daniele. 2008. “Wholeness and Its Reminders: Theoretical Procedures of Totalization and Detotalization in Semiotics, Philosophy and Politics.” PhD dissertation, Faculty of Philosophy, Tartu University.
- Selg, Peeter. 2011. “An Outline for Theory of a Political Semiotics.” PhD dissertation, Institute of Political Science and Governance, Tallinn University.
- Ventsel, Andreas. 2009. *Towards Semiotic Theory of Hegemony*. PhD dissertation, Department of Semiotics, Tartu University.
- Waldstein, Maxim. 2008. *The Soviet Empire of Signs: A History of the Tartu School of Semiotics*. Saarbrücken, Germany: VDM Verlag Dr. Müller.